

пишет Святитель, – зависит больше не от учения, а от его дел и жизни. Кто может быть несчастнее того учителя, ученики которого только тем и спасаются, что не смотрят на его жизнь».

Процесс духовно-нравственного воспитания, по мнению Иоанна Златоуста происходит по принципам: доступности, систематичности, прочности, связи теории с практикой. Данный принцип проявляется в увеличении объема содержания, его качественно новом уровне, особенностях используемых методов и средств. По мнению Святителя, воспитание и обучение должно происходить так, чтобы передаваемые знания и умения могли найти отражение в реальной жизни.

В IV веке в педагогике Византии не было четкого разграничения процессов обучения и воспитания. Человек, который приставлялся к ребенку, нес одновременно две функции – обучения и воспитания. Кроме того, второе считалось важнее первого. Цель христианского образования – человек с его моральными качествами. Чтобы начать обучение, считал Святитель, важно сначала заложить фундамент «доброй нравственности». Единство воспитания и обучения в православной педагогике достигается через уроки любознания. В привычном для нас понимании «любознание» – это любовь к мудрости, стремление к познанию истины. Святитель рассматривает любознание и в узком смысле. В узком смысле «любознание» означает «размышление о духовных предметах», «устремленность к добрым делам».

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: обучение не только дает знания и научает, но также оно должно воспитывать, духовно возвращать личность, в результате чего должна сформировываться цельная, нравственная личность. При этом следует учитывать то, что не только обучение должно быть воспитывающим, но и воспитание обучающим.

А. Тимошина

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В НАСЛЕДИИ А. С. МАКАРЕНКО

Еще в самом начале XVII в. были сформулированы обширные и четкие требования к личности учителя, которые не устарели и по сей день. Свой вклад в эту важную тему внесли такие известные мыслители, как Ф. Аквинский, М. Монтень, А. Дистервег, Ш. Фурье, К. Д. Ушинский, Я. А. Коменский и др.

Но, по мнению автора, наиболее страстно и глубоко к рассмотрению проблемы личности учителя подошел А. С. Макаренко. Он не просто требовал наличия и постоянного накопления педагогического опыта, главное в его теории – постоянная переработка опыта в отношении с учениками, учитывая личные качества ребенка, обстановку, фактор времени и т.д. Нельзя один и тот же прием применять трафаретно, без поиска твор-

ческих вариантов, поправок, наиболее эффективных для данного ученика. «Теория должна разработать педагогическую технику, она должна повернуться лицом к практике... Большая бедность в педагогической методике, в технике, и поэтому окончившие педагогические вузы ничего не знают: как надо говорить с учеником, нет умения сидеть, стоять, не знают, как надо пройти по лестнице. Вы скажете, что это пустяк. А я утверждаю, что в педагогике это не пустяк», – утверждал Макаренко в Высшем коммунистическом институте просвещения.

В подготовительных материалах к «Педагогической поэме» Макаренко высмеивает педагогическую литературу, где выделялись такие главные качества педагога, как чуткий, добрый, любящий детей, энтузиаст с сердцем, переполненным любовью даже к самому испорченному ребенку. Он считал, что «сердце воспитателя» не должно постоянно использоваться в качестве регулятора отношений детей. «Иначе эта “система добрых сердец” приведет не только к ханжеству, но скоро осложнится борьбой за симпатии детей, за титул “наиболее любимого учителя”», – считал Макаренко. Но не вся советская педагогика разделяла его взгляды. А, скорее наоборот, большинство педагогов просто ужасались методам, которые применял Макаренко. Они обвиняли его в том, что он не соблюдает «права личности ребенка», принуждает детей к труду, к полувоенной дисциплине. Хотя, в то же время, сам Макаренко отмечал, что педагог обязан подходить к «человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже с некоторым риском ошибиться», «хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог обязан это делать».

Хотелось бы, чтобы требования А. С. Макаренко к личности учителя были актуальны повсеместно и в наши дни, поскольку результаты его деятельности, а именно спасенные души испорченных детей, – особый след в истории педагогики.